

Ленка Воробей (Аверина Елена Валерьевна)

Родилась в 1978 году, в Харькове. Закончила ХГХУ, по специальности художник-оформитель и «дворовую школу по классу гитары» :) Автор песен и стихов.

Участница сетевого международного литературного проекта, сайта: www.Stihi.ru - автор сборника стихов «киНА не будет». 2006 г. - автор сборника стихов «Анальгин». 2010 г.

РЫБЫ ПТИЦЫ

Городи города. Ломай... за плитой плита...
Скучно, если тепла не ищешь, а просто так...
К горизонту помятым комом. Низ живота
неба. Страшно... как кадры фильма «джурасик парк».
Столкновение. Тучи. Каплями с нитки бус.
Всех кто - выжил теперь заменят на всех кто - смог.
Люди в красном. Глаза - рябины, нутро — арбуз.
Алый зонтик... реклама "kotex" ... держись наш Бог.
Подворотенки. Терпкий привкус. Кипит кагор.
«здесь был я» - исцарапал каждый двойное дно.
Без огня вокруг столько дыма. Висит топор.
За войной — война. За войной — война. За войно...
Под кустом костью, дикой ягодой на кусте —
псевдосолнце сквозь. Подцепить бы его за край.
Там под шёлком... под мешковиною... на холсте —
лето-пиво... пестреют люди, цыганский рай.
Города мои... горлом горы пошли... гори
рана. Землю вскрывай, там небо. Подай щипцы!
«Тятя, Тятя! Попались в сети к нам... снегири!» -
надрываются с того берега мертвецы.
Рыбы-птицы... деревья кольями. Якоря.
Из-под вымени. Неба темени. Из травы —
гонит эхо нас прочь от кончика звукоря-
...да! Мы не выжили... мы не выжили... мы не — вы.

ПОЛЫНЬ

Как страшно наблюдать... из-за плеча...
Измая надежду, как сырой платок.
Как предаёт свой огонёк - свеча
И как свечу бросает - огонёк.
Где одному картины всё не те
рисуют.
Одиночество, есть — сбой.
Как человек, жующий в темноте,
что плачет.

Над собою.

Над собой.

Соскабливая — «верю» и «скорблю»,
но всё ещё не - Умер и Клубок.

Так волк бежит. Так гусь хрипит — «люблю»
/и шею поворачивает вбок/

И тактики. Галактики. И месть
холодная. Не пробуй — захрипишь.

Как страшно... у любимых - тридцать шесть,
а у тебя под сорок. И молчишь.

Нет-нет... Кричишь!

Но слышимость в аду
возведена в искусство, мистер Вопль.

И Смерть сидит в шестнадцатом ряду
и близоруко щурится в бинокль.

За нею лес, река и гор гряда
почти что осязаема. Не верь.

Там человек, со справкой — «ни-ког-да»
стучится в нарисованную дверь.

Как будто бы руками. И плетьюми.

Выстукивая жалкое добро.

Там пёс, убитый добрыми детьми
слепую жизнь ведёт через доро...

И двадцать пять - не срок. Тайга простит.

Отпустит мягким камнем под косу...

И труп, к тебе склоняясь, говорит:

«Серебряная свадьба на носу!»

**НА! ПОЛУЧИ! ПОДАРОК И ПРИКЛАД!
В ЛИЦО!**

/какое скушала тоска/

Как страшно... что и этому ты — рад.

И запиваешь кровью из виска.

Костей и боли страшное мюсли,
но ты привык не видеть больше — лиц.

Журавлики бумажные снесли
горошинки раздавленных яиц.

Их собирать... униженно... «ах, чёрт....»

Но кто учил гордиться и бросать?!
И чёрт сказал: «хороший натюрморт!»

- Хороший мех — проямлила лиса.
Так зачерствел за пазухой восторг,

и на груди, похоже, что — змея....

И горизонт — «Прощаю вас!» исторг
и подворотня всхлипнула — «и я...».
И ты стоишь, как голый на плацу,
в тебя стреляют, попадая, но
какой-то свет гуляет по лицу.
Прекрасный свет.

Родимое пятно.

Куда тебя зовёт твоя полынь?!

Стой, где стоишь - отъявленный бредун.

И успокоит дружеским — «остынь...»

Сырой воды опившийся колдун.

И паутина заплетёт глаза

и нос и рот.

Вопрос уже решён.

И Гамлет скажет: «Нечего сказать...»

И эхо отзовется — «...хорошо»

Лимоны. Гении. И прочее

...не перестрелки Палестины, не Рима нового дебют.

Любовь и гений - совместимы, когда устанут или
пьют. Ругаясь под одной аптекой или вдыхая дым
кружал, любовь хотела — человека, а гений очень
уважал кусочек льда, что мог подтянуть, так прогибаясь
под закон.

Простую боль.

Простую память.

И чтоб порезали лимон.

Но только песни отсвистели и был разделан визави,
как гений пробовал постели, в которых не было
любви. Сердечно, призрачно, барачно, за просто так и
наугад. Потом курил на кухне мрачно, печатал что-то
невпопад. А может это был ребёнок? Бумажный
парусник. Комок. А вдруг он был настолько тонок, что
и надеяться не мог на то, чтобы случиться дважды в
подлампочной петле начал.

Любовь сказала бы — «однажды...»

А гений просто промолчал.

Не потому что было важно там что-то выделить одно. Любовь всегда многоэтажна... У гения есть только — дно. Ещё лимон и раскладушка где пара записей в тетрадь. И эта странная игрушка в себя не может проиграть... Не тренируя сбой на дальность, нутром не чувствуя помех, любовь играла в гениальность, а гений гробил... Всё и всех.

Нет, не хватает скудных терций... Вошло, а выйдет сквозь живот.

У суеты четыре сердца, в какое не стреляй — живёт. Лимон порезан. Дамы сыты. Чуть-чуть растрёпаны меха... Любовь и гений снова — квиты... всё остальное — потроха.

Не спорь.

Листай народ и лица... Не надо пачкать зря торшон. Ведь вряд ли гению родиться, когда у всех всё — «хорошо»... Как вянет это слово в скобках, как тянет сыростью... Ведь, да - они рождаются в подсобках... почти что мёртвые всегда.

Ведь гениев и идиотов, не взвесить на одних весах... какую ж странную работу себе избрали... в небесах.

Гвозди программы

А мама моет раму, пилит папу. И так тепло и так закономерно. Года, как заключённые по трапу, ползут к итогам медленно, но верно... слепые окна слепы понарошку, ещё не приторговывают светом и дети распинают чью-то кошку, за садиком. И маленьким секретом опалены их души, а ресницы - нечаянно взлетевшей, неуклюже зажженной спичкой. Город смотрит в лужи... Как Бог в себя, как бабушка на спицы.

И день, что в постоянном недоливе, не вылился бы только третьей сменой... где в узкой и граненой перспективе - снега килиманджарские на пиве лежат ещё не втянутою пеной...

Запахивая облачно-халатный, глубокий вырез, странного покроя, сбивает солнце пепел свой закатный, в пустую черепушку недостроя - роддома ли, покинутого зданья, где предаваясь сну и алкоголю, мог запросто жить узник мирозданья и... хрена класть на эту вашу волю....

У фонарей нахлебничает мошка, за ними мрак качает свои грозди. Смеркается. Повешенная кошка - ликует, что не отыскали гвозди. И дети спят... так просто... между прочим и колыбельной, что ласкает уши... И ломятся пылинки многоточий..... в их, толком не проветренные, души.

ВЗГЛЯД НА ВЕЩЬ

Хоть ослепни, гляди в телескоп, развивая ругательства,
уповай на невидимый вектор скрывающий Глорию,
если верить Иуде, то нет никакого предательства,
есть священная миссия - сделать краснее историю.
Хоть все щёки подставь и слезинкой растай на пощёчине,
доказав, что - красивые, щедрые, полные, плотные.
Если верить дорогам, то ад примыкает к обочине,
на обочинах вечно - цветы
(и как правило чётные)

Эзотерика ваша, агностика, пластика, мистика,
поцелуй ученицы, зажаренной готами в скверике.
Если верить учителю, всё, что он дал нам — дуристика
и уехал выращивать цитрусы где-то в Америке.
А мирок к солнцу бок повернёт такой хрупкий и крохливый,
так, что выступят слёзы у самых черствеющих сборщиков.
Если верить врачу, то... «скорей бы уже передохли вы», -
говорит, вечерами, устав от калек и притворщиков.
От жены и детей, от программ, где всё сшито и вспорото,
от красивых улиток, какие неспешностью милуют,
если верить войне, то..... бежать бы нам лучше из города,
где свои же тебя - отличат, победят, изнасилуют.
Уповай на равнину, считая овраги и пагорбы,
где шестой подползающий так и останется сменером,
если верить отцу, то родиться мне было не надо бы,
в крайнем случае — мальчиком, с мячиком, в будущем тренером.
Из ладоней посыплются центы, копейки, динарики,
золотые конспекты, медальки за правду и панику.
Вот уже обречён... посмотри, как мигают фонарики,
как спокойны мои скрипачи....
Если верить Титанику.

А в осеннем окне много красок от чёрных до разного,
много слов, очень тёплых, дурных, никому не досказанных,
если верить искусству... то лучше заранее - праздновать
и расстреливать в дурках - наивных, любимых и связанных,
чтоб потом навсегда ошалеть от вины и кружения
и когда тебе вставят в висок эту арфу эолову,
никогда-никогда не смотри ты в своё отражение,
если всаднику верить, который нашёл свою голову.

СНЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Привет, Колбаскин, всё окей. Болею реже. Со мною тренер и лакей (ну, в общем, те же) А за окном страна и рот, зима и рота. Снежинок нет.. ну не пришли ещё... чего-то... Зима не время, это срок. Отбудешь — славно. Переболеешь между строк легко и плавно. А там глядишь и водосток... Кораблик. Спичка. Погром. Участие. Восток. И переключка.

Не спрашивай, чего сказать не смею грубо, где правда режет ТАК глаза, что пухнут губы. До роста им ещё верста, до рук — поруки. Ведь география проста — живите, суки. Но дорожает хлеб и соль... Ну, дорожает... Изобретают колесо, блюют, рожают, охреневают от мощи своей и лают, а где тут Бог? Да не ищи... сама не знаю. И будет ли Его блестящ вселенский батик и в том насколько настоящий Его солдатик, ведь страх не в цвете полосы, не в зле крамолы, а в том — вернётся ли мой сын в четверг из школы, что я увижу в ноябре, а что в апреле... Мудры мы были на заре, но не успели одеть всё нужное в слова, пока пахали... Цвела на пасху булава, отцы бухали, да ну... Не стоит и слезы обёртка эта. Мне надо вырезать язык, как всем поэтам, украсить овощем, отбить, подать на блюде. Ведь только так его любить понятно людям. - Ты мне ответишь — не досуг. Война пружинок. Я сам устал от этих сук и не снежинок, что не касаются башки вояки-юнги. Нас всех гребут — свои божки, свои гревтунги. Нас убивают, ты заметь, ещё с пелёнок... Да что ты знаешь б**ть про смерть... живи, ребёнок... Кроссворд разгадан. Снег устал. От снегопада остались белые уста и вздох — не надо... И как во сне мелькнул подбой клубникой в арке. Стоят посты. Молчит гобой. Лежат овчарки. Какой-то высший драматург исполнил в свете: Чтоб был - Четверг. Восторг. Хирург. Вернулись дети.